

Нарижный представлял мое Portfolio в журнале, он, кажется, зацепившись именно за этот снимок, написал: «...формализация, которой так старательно избегает Евгений (порой доходя до крайности — например, не выравнивая линии горизонта, если при съемке она чуть завалилась...)», — и ошибся. Глянув на снимок, как на «не пейзаж», я понял, почему не выровнял линию горизонта: она чуть скошена вправо вниз как бы в рифму к отошедшей от вертикали (тоже чуть и тоже вправо вниз) центральной вертикальной линии — правой границы дороги. Наверное, этот вот косой неполный крест и есть главная изюминка «неправильного» снимка, из-за которой он безвариантно выиграл у многих правильных.

Спустя несколько минут та самая барышня сказала: «Отличный снимок. Но дома у себя я бы не повесила его ни за что!» «Почему?» «А потому что он — не умиротворяет, а будоражит...» «Ну да, — чуть задумавшись, согласился я. — Здесь сплошные нарушения гармонии композиции: чуть заметные отклонения от горизонтали и вертикали, неполный правый нижний прямоугольник: в желтизну дороги вторгается косяком бурая трава, которой, вроде бы, место отведено в левом нижнем... Но для меня это, пожалуй, комплимент: гармоничные «открытки» снимать легче, поскольку правила их построения изначально, что называется, «с молоком первой учительницы», вбиты в наши мозги...»

У одной из предыдущих «Объяснительных записок» было такое название: «Я снял, дурак...» Там эту фразу произносил как бы фотоаппарат, поставленный на автосъемку. Эту, наверное, можно было бы обозвать точно так же, только автором фразы теперь выступало бы подсознание. Конечно, не подсознание любое, не подсознание вообще, а все же натренированное на просмотре классики живописи и фотографии, на упражнениях в композиции и всем таком прочем. Короче, аппарат ли, подсознание ли, а ум всегда (во всяком случае, при наиболее интересных результатах) оказывается на вторых ролях. На ролях «обслуги». Слышали замечательную фразу, не помню уж кому и принадлежащую: «Довольно легко рассказать, как сделан «Дон Кихот», но совершенно невозможно — как его сделать».

А сейчас давайте повернем в другую сторону. Мы с Игорем Нарижным как-то обсуждали, что неплохо бы посвятить одну из «Объяснительных записок» материи времени в фотографии. И впрямь, задача увлекательная и сложная, и, наверное, вряд ли удалось бы на примере одной фотографии (или даже нескольких) не то чтобы полностью раскрыть тему, даже чувствительно ее коснуться. Но, с другой стороны, редкая фотография не дает вообще повода для размышлений о времени. А эта, на мой вкус, — даже и повод серьезный. Я, во всяком случае, увидел здесь два аспекта головоломной темы: неуловимость и неповторимость любого момента и пропорция зафиксированного к вечности.

Начнем с первого. Здесь представлены три фотографии одного и того же объекта,

сделанные в разные годы. И они все — совершенно разные. Они разные по разным параметрам: оптике, состоянию природы, даже, как мы уже выяснили, по композиции. Но в принципе можно было бы ровно с тем же результатом проделать и куда более точный эксперимент: дожидаться подходящей погоды, взять ту же аппаратуру, выстроить композицию один в один... Сколько раз я пытался переснять не устраивавший меня по тем ли, иным ли (обычно — чисто техническим) причинам снимок. Возвращался на завтра на то же место и в то же время, строя композицию, сверялся с отпечатком — и все равно мне никогда не удавалось пов-

«На вопрос «почему не удается сделать даже более или менее соответствующего оригиналу клона?», — наверное, отвечает понятие уникальности любого мгновения»

торить сделанное, причем, без исключений: новый снимок всегда оказывался хуже начального. И если ответить на вопрос «почему хуже?» я попытался в первой части колонки (при повторе уже работает вторичный ум, а не первичное «вдохновение»), то на вопрос «почему не удается сделать даже более или менее соответствующего оригиналу клона?», — наверное, отвечает понятие уникальности любого мгновения. Иной раз, чтобы найти «пять отличий» между оригиналом и клоном, приходится просидеть над ними десятки минут, — но чувство не обманешь. Каждый сразу увидит разницу, а чуткий еще и — где оригинал, а где — клон. Получается

практически то же, что с живописными копиями, которые, как бы близки к оригиналу ни были, всегда чуткому глазу будут представляться копиями, — даже когда это автокопии, то есть сделаны самим автором. До сих пор не могу забыть ощущения разочарования от большой выставки Шагала, привезенной несколько лет назад в Пушкинский музей, от выставки, на девяносто процентов состоящей, по сути, из автокопий... То же чувство возникало еще раньше, когда я копался в своих ощущениях, стоя перед родеоновскими «Гражданами Кале» в парижском дворике дома Родена и в скверике перед лондонским Парламентом...

Завершая тему, замечу: даже когда в объектив попался чем-то интересный кадр, ты его сделал и хочешь на всякий случай дважды тут же продублировать, — кроме наличия явного брака, лучшим результатом оказывается именно кадр первый.

Другой аспект разговора о времени, к которому склонил меня выбранная редакцией фотография, я несколько неловко обозвал «пропорцией к вечности». Неловко, потому что по отношению к подлинной вечности любой отрезок времени равен нулю или (будем математичнее) бесконечно малой величине. Грубо говоря, бесконечность не делится на нуль. И тем не менее... Есть снимки, фиксирующие уникальный момент: взрыва здания, удара по мячу, острого человеческого проявления в портрете. Есть — фиксирующие сравнительно долгоживущие объекты: города, сады... Есть — совсем долгоживущие. Горы... Небо... Или вот — эта дорога, идущая по косе, по которой прошли представители десятка цивилизаций — от диких тавров и киммерийцев, через эллинистических греков, римлян, гуннов, турок, крымских татар, русского воинства... Это даже не дорога, ибо не имеет в своем составе элементов деятельного строительства, это — протоптанное и проезженное направление. Единственный в округе маршрут, которого никак нельзя миновать, не сделав лишние две-три сотни верст крюка. И если сопоставлять ее не с абсолютной вечностью, а, скажем, с Историей с большой буквы, — она никак не моложе египетских пирамид, думаю, много старше.

И если удар по мячу — это одна крайность взаимоотношений фотографии со временем, снимок такой дороги — другая. И, возможно, более интересная, чем снимок, скажем, гор, которые, вообще говоря, человечеству и его Истории практически перпендикулярны, а перед лицом подлинной вечности столь же малы, как удар по футболному мячу... **Евгений КОЗЛОВСКИЙ**